

Владимир КОРКУНОВ

~~ТАМ НЕ СТРАШНО~~

**Сергей Синоптик. Нужно зачеркнуть. – Днепр: Герда, 2020. – 56 с. – («Тонкие линии»).**

Когда вводишь в поисковик слова «тоска по мировой культуре», он выдаёт чуть более трёх миллионов результатов. «Стихи после Освенцима» выдают около полумиллиона. «Каждая семья несчастна по-своему» – на двести тысяч больше.

Эти слова больше не работают.

Сочувствие затуплено повторением, и репит травм – белый шум XXI века. Но. До тех пор, пока не взглядишься в почерневшего и, кажется, съёжившегося мальчика или девочку из сторевавшей «Зимней вишни» в Кемерово. Пока не встретишь человека, закрывшего глаза – и ослепшего.

Пока не разглядишь в человеке беженца, живущего в своей и чужой стране.

Я начал рецензию с этих слов, чтобы активировать клавишу stop в голове читателя, потому что книгу, о которой идёт речь, нельзя читать в фоновом режиме.

Она негромкая (и её легко не заметить) – Сергей Синоптик не ставит целью шокировать читателя. Он описывает мир вокруг себя и в себе. Растворяется в нём, расколотым понятно-каким-годом (и в биографии приписывает к городу, в котором живёт, столицу одновременно этой и чужой страны).

Находится параллельно в мире *до* после *личного* Апокалипсиса (я говорю «личного», потому что нечестно равнять всех, когда хочешь понять одного). Апокалипсиса, возможного только после лобного места, смыслообразующего центра истории, воплощённого в конкретном месте и человеке, после которого история потекла в разные стороны<sup>1</sup>.

Сборник ~~«нужное зачеркнуть»~~, как указано на обложке и в одноимённом тексте (он и воплощает расщепление истории, но об этом позже), или «Нужное зачеркнуть», как указано в аннотации, – первая книга Сергея Синоптика.

И первая в серии «Тонкие линии», созданной Станиславом Бельским при днепровском издательстве «Герда». Это билингвальный сборник – 14 из 41 стихотворений в нём (учтём и символику цифр) написаны на украинском языке, остальные – на русском.

Предчувствие распада накатывает (как волны, которых тут много) с первых текстов. Диафильм образов перескакивает от разъединившихся людей: «сколько вокруг таких с красивыми волосами <...> билеты в руках остались <...> прочерк на месте соседнего человека» – к личному расщеплению и резинке, не дающей сбежать: сколько бы ты не пытался, тебя притянет к тому же месту:

<...>

посмотреть на какой остановке

нужно выйти отсюда

закрыться руками от гранатомёта

добежать до бассейна нырнуть

там не страшно

<...>

---

<sup>1</sup> Когда-то эту фразу, почти слово в слово, я употребил в рецензии на книгу Андрея Таврова «Державин» (Новый мир. 2017. № 6). Но к текстам Сергея Синоптика она имеет куда более прямое отношение.

Этим проникнуто всё. Мотив побега и его невозможность, желание уехать – и ставшие оседлыми перелётные птицы самолётов и поездов («трамвай не будет»), вода как символ усмирённого потопа. С множеством хорошо вооружённых ковчегов вокруг.

Война становится вечной оглядкой *сознания* персонажа. Напрямую её тут как бы и нет, но отголоски – повсюду: с экранов телевизоров, прилавков военторга, вывесок санаториев, путан на блокпостах внутри головы: «столицу блокируют автомойщики и путаны». *Не всех*, подчеркну, а человека, который болит всеми словами этих текстов, – потому что этот мир одновременно несчастлив и наоборот (и это главный конфликт книги), и в зависимости от человека геометрически растут степени их аверса и реверса.

Кажется, Сергей Синоптик поднял в этой книге на новую высоту *личную*, но *социальную* поэзию. И сказал их так тихо, что невозможно было не услышать. Это даже не шаламовская документальность – в текстах Синоптика нет приговоров (и потому они звучат громче нарочитых страданий), речь тут, скорее, как сказал Даниил Гранин о блокаде Ленинграда, – *о ненужных страданиях*.

А страдает всё – от утекающего под воду солнца до песен птиц, от бабушки, которая из нового мира не замечаемой заходит в тот и, кажется, умерла при жизни<sup>2</sup>, – до рассвета («тоскливое жёлтое утро») и влажного бриза.

У этих стихов необычайная скрытая чуткость.

Можно ещё сказать про тихие, но яркие, остающиеся по ту сторону радужки глаз, метафоры и образы («ощущения <...> ускользают как жидкая рыба» или «такая зима как будто / прохлада скрипит на губах» и др.), про встроенные в организм поэзии диалоги (например, слова «мы поедим к раздетым оврагам» очевидно рифмуются с набоковским «и весь в черёмухе овраг»), опущенные звенья, резкие переходы и т.д.

Каждая страница распечатки сборника исписана вдоль и поперёк.

Я не хочу говорить дальше о её темах, приёмах и сюжетах.

Дело не в спойлерах.

Тому, с кем совпал этот текст (и слова в объятиях цитат), лучше взять первоисточник, тем более он на расстоянии пары кликов: <https://polutona.ru/books/Sinoptik.pdf>

А кому нет, и уже сказанное – трата времени.

Но формат рецензии не приемлет опущенных звеньев, и я должен сказать.

Предчувствие распада, прошивающее две трети книги, неожиданно (вот искомый скачок) рвётся в конце.

Стихотворения из «времени ДО», например:

<...>

я включу радиоприёмник  
без него всё как будто не то  
без как будто не то  
всё похоже на  
правду –  
и утро  
и чистые чашки  
<...>

в конце сборника перечёркнуты:

<...>

---

<sup>2</sup> «исчез прокипший бульон из холодильника / наверное пока нас не было/ бабушка приходила»

я включу радиоприёмник  
без него всё как будто не то  
без как будто не то  
всё похоже на  
правду—  
и утро  
и чистые чашки —  
<...>

и встроены в другие тексты с надстройками новых словами; вычёркивая прошлое, как будто изымая воздух из воздуха и заменяя его другим воздухом, от которого кому-то становится легче дышать, а кого-то — душит.

<...>  
после того как забыты любые слова  
зарифмованы собранные глаголы  
недолгое ничего остаётся с любым из нас  
и  
запоминает моменты

без которых ничего не произойдёт  
не вернётся домой иностранный язык  
расцарапанный, как недоспелый крыжовник  
<...>

И человек стоит одной ногой на стираемом мире (это явный континуум), а другой — на заполняющем пустеющее пространство. И когда они расходятся, его рвёт пополам.

Вот только.

Он не может выжить в мире энтропии<sup>3</sup>.

И не может умереть.

И тогда цитата из Аверинцева обретает новый смысл.

Тут нет смысла пояснять — вы или почувствуете это, или нет.

Это зависит от того, в какую сторону потекла история лично для вас.

---

<sup>3</sup> В исконном значении — обращения, превращения (*с греч.*).